

П. ГРЖИБЕК

«Опыт введения в теорию прозы»

*Забывтое наследие М. О. Лопатто
с точки зрения квантитативной лингвистики*

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИКЪ

подъ редакціей профессора С. А. Венгерова.

III.

ТЕОРИЯ ПРОЗЫ была одной из центральных и основных тем русской формальной школы первых двух десятилетий XX-ого века. Пытаясь выяснить процесс художественного творчества и его восприятия, молодое поколение филологов — лингвисты и литературоведы — сосредоточилось на исследовании текста и закономерностей его конструкции. В этом контексте понятие «закона» играло немалую роль, будь то с ориентацией на индивидуальный текст или на эволюцию литературы (то есть литературной системы) в целом. Бесспорно, весь этот подход можно связать с номотетическим пониманием науки, как это совершенно верно сделал Юрий Стридтер (Striedter 1969: XIII). Однако, несмотря на перевод важных в этом аспекте философских работ Риккерта

Автор глубоко благодарен R. Flucher (Graz) за помощь в языковом исправлении перевода текста на русский язык и Т. В. Цивьян (Москва) за компетентное и терпеливое редактирование.

и Виндельбандта на русский язык, именно в те годы (1904, 1908, 1911), понятие «закона» употреблялось в более или менее повседневном смысле этого слова, и в общую теорию науки не включалось.

Разумеется, вряд ли когда-нибудь закончатся ряды обзоров и (ре)интерпретаций истории русского формализма; тем не менее, совершенно оправданно можно сказать, что в течение последних десятилетий была реконструирована довольно полная картина того, что имело место почти 100 лет тому назад. Только отдельные камешки могут быть добавлены в общую мозаику, и одним таким камешком нам представляется названная работа Михаила Лопатто «Опыт введения в теорию прозы».

Статья Лопатто «размещена» на пороге позднего пре-формализма десятых годов, с его радикально новым пониманием литературы и литературного анализа. В научном контексте этого «радикализма» было широко принято сосредоточиваться на форме художественного произведения, при этом не противопоставляя форму содержанию: с самого начала было предположено, что форма и содержание мыслимы только в диалектической взаимосвязи: любое изменение формы приведет к изменению содержания. Таким образом, в центре интереса формалистов стояло, скорее, «образование» материала (между прочим, и языкового материала) посредством определенных приемов, и они были ориентированы на поиски соответствующих особенностей и закономерностей.

В этом отношении мало кому известная (или, по крайней мере, полузабытая) статья Лопатто отличается от большинства других работ, написанных в контексте раннего русского формализма: пытаюсь придать терминам ‚теория‘ и ‚закон‘ более строгий смысл (притом в их тесном взаимодействии), автор стремился к сочетанию и интеграции качественных и количественных методов анализа художественной прозы. Тем самым он высказал идею точного литературоведения в области прозаического языка, особенно на уровне текста. Именно в этом и заключается актуальность работы Лопатто: несмотря на все недостатки его подхода, будь то в теоретическом или в эмпирическом аспекте, Лопатто удалось поставить важные вопросы, на которые мы только в наши дни постепенно можем давать частичные ответы.

* *
* *

Михаил Лопатто (1892–1981), поэт первой волны русской эмиграции, известен достаточно узкому кругу знатоков и исследователей русской литературы. Еще менее известны его литературоведческие работы, актуальность и прозорливость которых выясняется только в наши дни.

Михаил Осипович Лопатто родился 6 сентября 1892 г. в Вильне в семье Осипа Соломоновича Лопатто и Райсы Юрьевны Юхневич. Отец его, вышедший в отставку в 1899 г. в чине штабс-капитана, был

состоятельным человеком: владел поместьем в Лифляндии, недвижимостью в Литве, после 1913 г. гостиницей в Одессе. Он был членом «Общества караимов для распространения просвещения и взаимного вспомоществования». Лопатто учился во 2-ой Виленской гимназии, где он и начал писать стихи; он учился вместе с Николаем Михайловичем Бахтиным, старшим братом Михаила Михайловича Бахтина. В 1910-ом поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Во время учебы он впервые опубликовал свои стихи и весной 1916 г. вместе с Н. М. Бахтиным и молодым художником и поэтом Вениамином Симовичем Бабаджаном (1894—1920) — сестра которого, Назлы Симоновна, была женой Лопатто — организовал бурлескный кружок «Омфалитический Олимп». В 1916-ом кружок основал в Петрограде издательство «Омфалос», которое после Октябрьской революции переместилось в Одессу и продолжило свою деятельность в 1918—1919 годах; в этом издательстве были изданы сборники его стихов «Избыток» (Пг., 1916) и «Круглый стол» (Пг. — Одесса, 1919), как и коллективный сборник «Омфалитический Олимп. Забытые поэты». Обострившаяся политическая ситуация вынудила его уехать из Петрограда в Одессу в Новороссийский университет, где он занимался общим языкознанием, а затем, в 1920-м, с женой и сыном Дмитрием последним парохомом уплыл в Стамбул, а в 1921-м — в Италию. В Италии он занимался предпринимательской деятельностью. Избрав местом постоянного жительства Флоренцию, он занялся коммерцией (оптовым импортом пушнины). Во время Второй мировой войны Лопатто участвовал в антифашистском движении, а позже был членом Партии Действия (ныне Республиканской). В 1948 г. получил итальянское гражданство. В 1959 г. в Париже выпустил сборник Стихи, а в 1977 г. во Флоренции первый роман трилогии «Чертов сын. Россия 1904—1928». Болезнь не позволила ему закончить работу над второй частью — он умер 26 января 1981 года во Флоренции и похоронен на кладбище Треспиано.

Статья Лопатто «Повести Пушкина» была опубликована в 1918 году, в третьем историко-литературном сборнике «Пушкинист», под редакцией знаменитого С. А. Венгерова. Название статьи является, между прочим, указанием на «Повести Белкина» Пушкина, хотя подробный их анализ является лишь частью интересов Лопатто: в подзаголовке Лопатто пишет «Опыт введения в теорию прозы». И действительно, он неоднократно подчеркивает, что его интересует именно *теория* прозы, основы которой он предполагает заложить. Для этой цели, по его словам, необходимо создание *законов* — такая точка зрения хорошо знакома всем, кто когда-либо читал фундаментальную книгу Марио Бунге «Scientific Research» (1967), в которой он констатирует: «No laws, no science» (Bunge 1967: 318). Такое строго взаимосвязанное понимание терминов ‚закон‘ и ‚теория‘, конечно, только

частично совпадает со значением этих терминов у Шкловского, например, в статье «Искусство как прием» (1917), где он тоже пытался предложить объективные критерии для описания прозаических текстов; часть этих критериев он даже назвал «законами», правда, используя термин «закон», скорее, в повседневном смысле слова.

Для Лопатто, в отличие от такого понимания, закон не может быть установлен без квантитативных методов, и хотя его собственные методы для достижения этой цели довольно бедны, именно эти предложения и постулаты, выведенные 22-летним студентом в 1915-ом году, делают этот текст весьма привлекательным для реконструкции истории применения количественных методов в лингвистике и анализе текста.

Текст, опубликованный только в 1918-ом году, восходит к выступлению Лопатто на известном Пушкинском семинаре Венгерова, на заседании 12-ого февраля 1915 года — эту дату мы знаем точно из протоколов совещания. Этот семинар, который позже оказался одним из решающих импульсов для русской формальной школы (см.: Erlich 1955), как правило, был посвящен изучению литературы XIX века вообще, и произведениям Пушкина в частности. Полгода спустя, осенью 1915 г., уже после окончания Венгеровского семинара, некоторые студенты подошли к Венгерovu и предложили ему продолжить работу, создав историко-литературный кружок. Одним из этих студентов был Михаил Лопатто, среди других инициаторов были С. М. Бонди, П. Е. Бутков, Н. К. Замков, М. К. Клеман, Л. А. Коварский, В. Л. Комарович, В. П. Красногорский, Г. В. Маслов, Ю. А. Никольский, Ю. Г. Оксман, А. С. Поляков, А. А. Тамамшев, Г. Д. Ходжаев, Н. В. Яковлев. Они вместе выработали устав, согласно тогдашним правилам о студенческих организациях, а после официального утверждения советом университета, 5 декабря 1915 года, началась деятельность кружка. За время своего существования Пушкинский кружок провел 22 научных заседания с докладами и сообщениями; они проходили в помещении Музея Древности по субботам вечером. Среди докладчиков были Андрей Белый, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум и др. С 1918 года кружок потерял свой специфически студенческий характер и превратился в открытое научное общество под названием *Историко-Литературное общество имени Пушкина при Петроградском Университете*.

Теперь и доклад Лопатто, и последующая его статья, опубликованная через три года после того, почти забыты, однако они находятся в ряду самых первых формалистических выступлений. Ценность их не только в первенстве во времени, но и в высказанных идеях квантитативности. Следует заметить, что в то время работа Лопатто была хорошо известна, и его идеи высоко ценились (хотя, конечно, не признавались бесспорными¹).

Как мы знаем из протокола заседания, сам Венгерov резко отреагировал на выступление Лопатто, подчеркивая, что не следует, говоря

о сахаре, забывая, что он сладкий — таким образом, очевидно, критикуя отдаление Лопатто от литературной теории и эстетики.

Другой отклик принадлежит еще студенту Ю. Н. Тынянову, как участнику семинара. В отличие от Лопатто, который занимался главным образом измерением длины языковых или, скорее, текстовых единиц и вопросами их частотности, Тынянов предложил интерпретировать результаты с точки зрения секвентности, таким образом переводя вопрос о ритме прозаического текста на сверхсловный (текстовый) уровень. Но такие текстовые ритмы остались мало изученными, так как в начале 1920-х годов занимались главным образом собственно ритмом прозы (ср. Гржибек 2012а, б).

По тогдашнему мнению Тынянова, классифицировать текст как стиховой или прозаический на основе внутренних особенностей невозможно — скорее, необходимо соотносить его с данной литературной системой, регулирующей отношения между этими двумя типами художественной речи (а также разные виды нарушения границы и переходы между стихом и прозой). В конце 1920-х эта точка зрения привела к различению *формы* и *функции*.

Интерес Лопатто, однако, состоял не в том, чтобы найти основу для теоретического разграничения стиха и прозы; скорее, он был направлен на описание специфических черт пушкинской прозы как основы для дальнейших разработок. Лопатто начинает с общей критики тогдашнего состояния теории литературы, или теории словесности:

Наша классная теория словесности находится в самом жалком виде, не заключая в себе даже намека на научность. Кое-какие лоскутки старых риторик, исторические и филологические справки о названиях форм, кое-как сшитые, выдаются за 'теорию'. Конечно, такая теория ничего не объясняет и никаких законов открыть не может (Лопатто 1918: 4)

Таким образом, для Лопатто с самого начала закон является необходимым условием существования теории. Лопатто упрекает исследователей (за исключением Потебни и Овсяннико-Куликовского) в «ненаучности»: их работы могут быть полезны главным образом для психологии мысли и художественного восприятия, а не для самого изучения искусства как автономного объекта. А именно это — автономность литературы и литературоведения, то есть их независимость от других отраслей науки, — для Лопатто необходимое условие научности, и цель собственного размышлений: «Теория же литературы должна быть автономна» (Лопатто 1918: 5).

Это требование Лопатто полностью совпадает с мнениями его современников, ср., например, знаменитое сравнение Jakobson историков литературы с полицией в «Новейшей русской поэзии» (1919/1921):

Между тем, до сих пор историки литературы преимущественно уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и всё, что находилось в квартире, а также случайно проходивших по улице мимо (Jakobson 1979: 30).

Русские формалисты, видя себя *спецификаторами* выявления и описания особенностей литературного текста (как и литературы в целом), искали автономии (теории) искусства. Понимая литературу, прежде всего, как отрасль словесного искусства, они ощущали необходимость лингвистики как вспомогательной дисциплины, вплоть до того, что смотрели на себя уже как на лингвистов, поскольку лингвистика охватывала все аспекты словесных продуктов, в том числе и литературных.

«Форма» у Лопатто определяется разными способами: во-первых, форма — это «распределение содержания [по тексту] и пропорция его частей»; во-вторых, это «последовательность, в которой излагается содержание произведения»; а в-третьих, это «связь распределенного материала с содержанием в каждый отдельный момент» (Лопатто 1918: 10). На первый взгляд, такое определение «формы» кажется простым и ясным, по крайней мере, в каком-то предварительном или элементарном смысле. Ситуация становится более сложной при анализе произведения искусства в целом, поскольку с самого начала надо будет решить, какие элементы должны быть проанализированы и как они могут быть определены. В этом аспекте точка зрения Лопатто снова оказывается совершенно современной: как мы знаем со времен де Соссюра, языковые элементы (то есть лингвистические единицы) не даны априори; они — результат лингвистического определения. Мы также знаем, что изучение лингвистических структур без должного внимания к их повторяемости и частоте есть не что иное, как описание лишь одной стороны комплексного лингвистического кубика Рубика.

Отделяя теорию литературы от лингвистики и грамматики, Лопатто был еще более радикальным, чем формалисты: для него, сфера грамматики — «язык и законы языка» (Лопатто 1918: 5), однако эти законы его не интересовали. «Нам не важны законы языка: корни слов, словообразование, правильные формы. Нам нужно одно искусство» (Там же: 39). Ограничивая ответственность лингвистики сферой стилистики, он видел важность своего подхода в методологии: «Центр тяжести моей работы лежит в его методах» (Там же: 50).

Лопатто дистанцируется от лингвистики, особенно от грамматики, критикуя частое и легкое смешение теории литературы с грамматикой (Лопатто 1918: 5). Он даже выделяет еще одну область теории литературы: философскую эстетику, которая вводит в исследование искусства оценку, то есть понятия прекрасного и безобразного — а для Лопатто «форма не может быть красивой» (Там же: 7).

Что касается метода анализа, Лопатто различает концепты материала, содержания и формы, а также актуальность этих категорий для

(теории) искусства. В этом отношении он вполне соответствует своему времени и даже несколько опережает его. Материал литературы — язык. Однако так же, как звук в музыке не имеет никакой художественной ценности в изоляции, а является гармоничным или дисгармоничным только в сочетании с другими звуками, слово не имеет художественной ценности само по себе — только в сочетании с другими звуками и словами слово приобретает определенную ценность. С современной точки зрения, это звучит уже как структуралистский (если не синергетический) и секвенциальный подход. Для Лопатто же из этого вытекает его понимание, или определение «формы»: «Внутренняя связь и последовательность элементов и есть форма произведения <...>» (Лопатто 1918: 8).

Именно из этого следует, как было уже сказано выше, отграничение (философской или психологической) эстетики от теории литературы: эстетика, по Лопатто, касается «цели искусства и законов его появления» (Там же: 6) — форма, согласно Лопатто, не может быть хорошей сама по себе, хотя анализ художественных произведений может «расширить уже существующее понимание и установить некоторые законы вкуса» (Там же: 7); «в задачу теоретика входит не оценка произведения <...>, а исследование его форм» (Там же: 27).

Итак, что же, по Лопатто, надо понимать под «формой», из чего она состоит? С учетом того, что в конечном итоге речь идет о внутренних взаимоотношениях и последовательности элементов, представляющих форму произведения, основные задачи анализа могут быть следующие:

- 1) найти формальные элементы форм художественной прозы;
- 2) исследовать их связь и последовательность (Лопатто 1918: 8).

Из сказанного вытекает необходимость пользоваться двумя методами анализа, а именно

- a) определить элементы в зависимости от данного рода / вида творчества <...>,
- b) пользоваться, наряду с количественным, и качественным анализом, то есть таким, который выяснил бы связь формы с содержанием (Там же: 9).

Качественный анализ для Лопатто лишь вспомогательное средство (Там же: 16) — только в комбинации с количественным анализом Лопатто видит возможность преодолеть сложность анализа текста, в который необходимо внести точность и систематичность научного познания (Там же: 9). В прозаических текстах, которые находятся в центре внимания Лопатто, выделены три основные единицы анализа:

- 1) глава;
- 2) абзац;
- 3) фраза.

Лопатто упоминает и четвертую единицу, «часть»; однако, ею более подробно не занимается, поскольку для (короткой) прозы Пушкина она, как и глава, не характерна. Тем не менее, Лопатто дает таблицу длин глав пушкинских прозаических текстов, считая длину абзаца в объеме страниц, но не приходя к существенным выводам. Совершенно непонятно, почему Лопатто не считал длину глав по количеству абзацев или по количеству предложений (которые он, кстати, вообще не принимает во внимание в качестве лингвистической категории)².

Вместо этого, определяя длину абзаца, Лопатто смотрит на фразу как на основной элемент дробления абзаца; исходя из аналогии с поэзией, где абзацу соответствует строфа (Лопатто 1918: 18), Лопатто предлагает измерять величину абзаца количеством фраз, понимая фразу как единицу мысли.

Таблица 1 (ср. Лопатто 1918: 19, табл. II) воспроизводит данные, представленные Лопатто; в дополнение к его исходным данным в последних двух колонках, \bar{x} означает среднюю, а s стандартное отклонение для данного текста.

Таблица 1

Длины абзацев в текстах Пушкина (по Лопатто)

Текст	I	II	III	IV	V	\bar{x}	s
Повести Белкина	17	22	118	31	53	48,20	37,02
Дубровский	46	34	72	30	8	38,00	20,98
Капитанская дочка	29	47	38	12	80	41,20	22,59
Пиковая дама	47	4	20	16	80	33,40	27,21

Согласно Лопатто, эти результаты показывают, что в исследованных им текстах Пушкина «средняя величина абзаца всегда одна и та же» (Лопатто 1918: 20). На основе сравнения этих данных с результатами изучения других авторов, представленных в таблице 2 (ср. Лопатто 1918: 20, табл. III), Лопатто приходит к выводу, что «для каждого писателя есть свои постоянные размеры абзаца, с определенным колебанием от минимума до максимума» (Там же).

Таблица 2

Длины абзацев в текстах разных авторов (по Лопатто)

Автор / текст	I	II	III	IV	V	\bar{x}	s
Пушкин	16	72	29	38	31	37,20	21,02
Толстой: Хаджи-Мурат	18	16	10	32	20	19,20	8,08
Гоголь: Мертвые Души (ч. 1)	160	22	60	146	20	81,60	67,28
Кузмин: Опасный страж	12	92	9	18	14	29,40	35,37

Что касается итогов — или, скорее, предположений — то к ним следует относиться с известной долей осторожности. Во-первых, объем данных слишком мал для далеко идущих выводов. Во-вторых, большинство

представленных подсчетов основывалось на выборках — например, Лопатто исключал минимальные абзацы, состоящие только из одной фразы; кроме того, и само описание данных в тексте часто не дает нужной информации. Поэтому его данные не поддаются серьезным ре-анализам. Учитывая эти обстоятельства и выполняя соисследования с должной осторожностью, мы пришли к выводу, что разные тексты Пушкина действительно не различаются в длине абзацев статистически значимо³ — таким образом, интерпретация Лопатто подтверждается. То же касается и сравнения данных по всем четырем авторам⁴, так что вывод Лопатто об авторской оригинальности в этом отношении все-таки сомнителен.

Кроме длины абзаца, Лопатто более подробно анализирует целый ряд других специфических параметров: например, сопоставляет размер и частоту предложений разной степени сложности (простые и сложные, прямые и не прямые⁵ и т. д.) — и не только в прозе Пушкина (с целью учесть его литературную эволюцию), но и в сравнении ее с текстами других авторов. Понимая наблюдаемую разницу как выражение индивидуальной авторской стилистики, он не принимает во внимание, однако, возможные первостепенные жанровые специфики; он также не обращает внимания на влияние на текст разных долей описательных, повествовательных и диалогических фрагментов, что, как мы знаем сегодня, сильно влияет на результаты. Надо признать, однако, что в конце своей работы Лопатто затрагивает эти вопросы теоретически (Лопатто 1918: 33), когда он занимается сопоставлением описания и диалога; в этом контексте, уже в проекции на общие вопросы стилистики, он также обсуждает проблему наглядности и абстрактности текста и, частоты так называемых ‘чувственных’ и ‘мыслимых’ слов, так же как и разных типов слов — существительных, глаголов и эпитетов (не только прилагательных, но и существительных). Но его исследование этих вопросов далеко не систематично.

Резюмируя, можно сказать, что Лопатто, хотя он сам и не употреблял этот термин, был одним из первых кто, в контексте русского формализма, занимался вопросами стилеметрии. Этот термин был введен в русский литературоведческий дискурс именно в то время, а точнее в 1915 году, Н. Морозовым, который ссылаясь на работы В. Лутославского. Однако сторонники этого подхода не столько интересовались законами текста (или же законами языка и его внутренней гетерогенности), как Лопатто, сколько пытались или установить хронологический порядок произведений определенного автора, или индивидуальную авторскую специфику. Законами в узком смысле, которые хотел установить Лопатто, сторонники этого подхода ни тогда, ни теперь не занимались.

Между тем именно в этом важность и актуальность работы Лопатто: применяя количественные методы, он ставил цель гораздо более

высокую, чем просто статистическое описание лингвистических данных: он стремился к общим законам, обнаружение которых невозможно без теории и без модели — как для Лопатто, так и для нас. Сегодня это различие выражается в противопоставлении двух взаимосвязанных, но различных дисциплин: (описательной) лингвостатистики, с одной стороны, и (теоретической) квантитативной лингвистики, с другой⁶. Именно квантитативной лингвистике мы обязаны общей теорией языка и законами, регулируемыми языковые процессы. У нас сегодня есть общая лингвистическая теория (Wimmer/Altmann 2005, 2006), из которой вытекают, между прочим, более специфические теории и конкретные законы, например теория длин слов и длин предложений; соответствующие разновидности в этих рамках понимаются или объясняются влиянием, или следствием, специфических граничных условий, будь то внутри данного языка или в разных языках. Этим не только описываются, но и объясняются распределения лингвистических частот и процессы возникновения этих частот. Здесь нет возможности останавливаться на этом более подробно, но стоит, как кажется, проиллюстрировать сказанное на примере романа Толстого «Война и мир»⁷.

Рисунки 1а и 1б представляют частотное распределение длин слов (по количеству слогов в слове) и длин предложений (по количеству слов). Эмпирические данные обозначены темно-серым цветом.

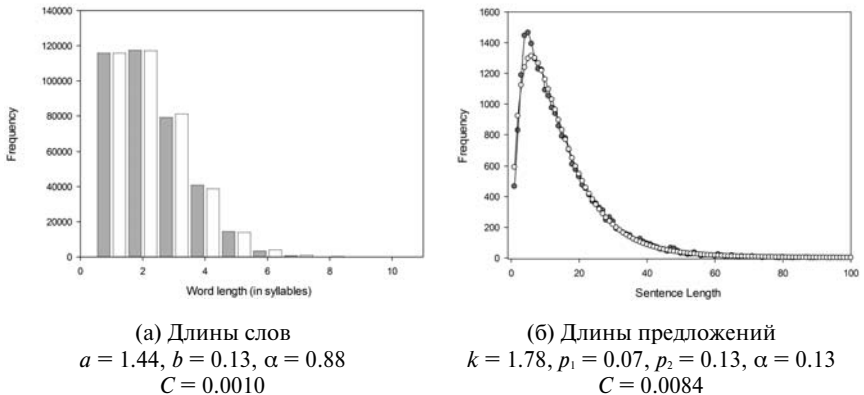

Рис. 1. Эмпирические и теоретические распределения длин слов и предложений

Теоретические частоты обозначены светло-серым цветом; в обоих случаях мы имеем дело с известными моделями: в первом случае это модификация пуассоновского, во втором — отрицательного биномиального распределения, их параметры представлены под рисунками. Обе модели выводятся из общего теоретического подхода; в случае переменных относительная скорость изменения основывается на уравнении (1):

$$(1) \quad \frac{\Delta P_{x-1}}{P_{x-1}} = \frac{P_x - P_{x-1}}{P_{x-1}},$$

которое ведет к рекурсивной формуле (2):

$$(2) \quad P_x = \left(1 + a_0 + \frac{a_1}{x^1} + \frac{a_2}{x^2} + \dots \right) P_{x-1}.$$

С $a_0 = -1$, $a_i = 0$ за $i = 2, 3, \dots$, и $a_1 > 0$ получается именно пуассоновское распределение (3):

$$(3) \quad P_x = \frac{e^{-a} a^x}{x!} \quad x = 0, 1, 2, \dots$$

а с $-1 < a_0 < 0$, $-a_1 < 1 + a_0$ получается (с $a_0 + 1 = b$) рекурсивная формула (4):

$$(4) \quad P_x = \frac{a_1 + bx}{x} P_{x-1}$$

которая с $b = q$, $a_1/b = k-1$, и $q = 1-p$ ведет к отрицательному биномиальному распределению (5):

$$(5) \quad P_x = \binom{k+x-1}{x} p^k q^x \quad x = 0, 1, 2, \dots$$

Надо уточнить, однако, что в нашем случае (*Война и мир*), мы имеем дело с перемещенными распределениями (то есть, с носителем $x = 1, 2, \dots$), с одной стороны, и со смешанными моделями, с другой, так что получается смешанное пуассоновское распределение (6):

$$(6) \quad P_x = \alpha \frac{e^{-a} a^{x-1}}{(x-1)!} + (1-\alpha) \frac{e^{-b} b^{x-1}}{(x-1)!} \quad x = 1, 2, \dots$$

И смешанное отрицательное биномиальное распределение (7)

$$(7) \quad P_x = \alpha \binom{k_1+x-2}{x-1} p_1^{k_1} q_1^{x-1} + (1-\alpha) \binom{k_2+x-2}{x-1} p_2^{k_2} q_2^x \quad x = 1, 2, \dots$$

Значения параметров и статистический критерий $C = X^2/N$, который при $C < 0.01$ считается высоко значимым, даны под рисунками.

Весьма интересно, что недавно впервые удалось показать (Grzybek 2012), что и длина глав соответствует аналогичным закономерностям. Рисунок 2 представляет эмпирические частоты длин глав романа «Война и мир» по количеству предложений в главе.

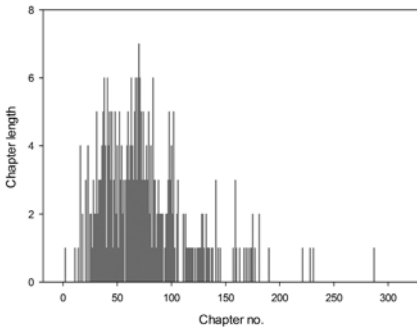
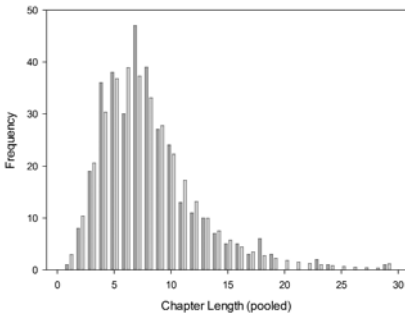
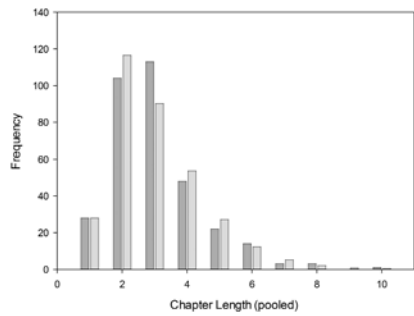

Рис. 2. Длины глав в «Войне и мире»

Рисунки 3а и 3б показывают те же самые данные, соединенные в группы по 10 (рис. 3а) и по 30 (рис. 3б).

(а) Частоты в группах по 10

(б) Частоты в группах по 30

Рис. 3. Эмпирические и теоретические распределения длин глав в «Войне и мире»

Таким образом, более очевидна адекватность теоретической модели гиперотрицательного биномиального распределения (8):

$$(8) \quad P_x = \frac{\binom{k+x-1}{x} q^x}{\binom{m+x-1}{x}} P_0$$

которая тоже выводится из названной выше модели (2).

Но этого еще недостаточно. Вспомним замечание Лопатто, что у Толстого по сравнению с Пушкиным фразы сложные и многословные, чем уравнивается меньший размер абзаца (Лопатто 1918: 21). Это нам напоминает известный закон Менцерат-Альтманна, по которому составляющие единицы лингвистического конструкта тем короче, чем длиннее сам конструкт.

Для недискретных переменных этот закон выводится, аналогично к (1), из общего подхода (9):

$$(9) \quad \frac{dy}{y} = \left(a_0 + \frac{a_1}{x^1} + \frac{a_2}{x^2} + \dots \right) dx,$$

который ведет к функции (10):

$$(10) \quad y = Ce^{a_0 x} x^{a_1} e^{-a_2/x - a_3/(2x^2) - a_4 x/(3x^3) - \dots}$$

с C как константой интегрирования. При $a_1 < 0$, $a_0 = a_2 = a_3 = \dots = 0$, получается наиболее часто используемая форма (11):

$$(11) \quad y = Ce^{a_1 x},$$

а при $a_0 < 0$ и при $a_0, a_1 \neq 0$ и $a_2 = a_3 = \dots = 0$, получаются известные формулы (12) и (13):

$$(12) \quad y = Ce^{a_0 x}$$

$$(13) \quad y = Ce^{a_0 x} x^{a_1}$$

Эти функции были применены для моделирования зависимости длины лингвистических единиц разных уровней — с отрицательной экспонентой для прямых отношений (например, зависимость длины слога от длины слова, или длины фразы от длины предложения) и с положительной экспонентой для непрямых отношений (например, зависимость длины слова от длины предложения).

Однако, как недавно было показано (Grzybek 2011), эти ‘простые’ функции недостаточны для сложного и «разновидного» текста романа Толстого «Война и мир». Зависимость длины слов от длины предложения — пропускаем уровень фраз и миримся с дисперсией — при анализе предложений с длиной от ≤ 30 слов дает результат, представленный на рис. 4 ($C = 1.85$, $a_0 = -0.0025$, $a_1 = 0.09$, $a_2 = 0.18$; $R^2 = 0.81$):

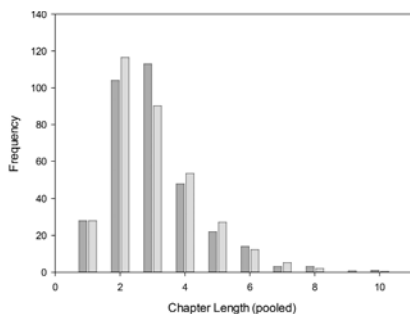

Рис. 4. Соотношение длин слов и длин предложений в «Войне и мире»

Этот результат основан на функции:

$$(14) \quad y = Ce^{ax}x^{a_1}e^{-a_2/x},$$

которая вытекает из (10) при $a_i = 0$ за $i = 3, 4, 5, \dots$

Что касается сверхфразовых единиц и соотношений, надо сказать, что, несмотря на все успехи квантитативной лингвистики в последние десятилетия, в рамках этой теории именно те лингвистические уровни и единицы, на которые Лопатто обратил особое внимание, остались до сегодняшнего дня эмпирически мало изученными. Только в самые последние годы намечился поиск теоретических моделей для длин абзаца или главы.

Пока у нас нет систематических исследований о количестве абзацев⁸. Тем интереснее в нашем ракурсе, что совсем недавно удалось установить связь между длиной главы и длиной предложения (Grzybek 2012). Рис. 5 демонстрирует эту зависимость; рис. 5а содержит все оригинальные данные, на рис. 5б даются средние длины предложений, для предложений при одинаковой длине глав, а на рис. 5в данные сгруппированы по 30.

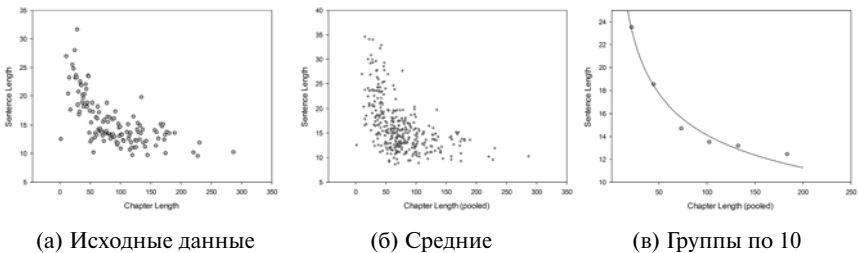

Рис. 5. Соотношение длин предложений и длин глав в «Войне и мире»

Таким образом, обнаруживается ясная зависимость длины предложений от длины глав, в соответствии с функцией (11), со статистическим критерием $R^2 = 0.98$ ($C = 63.86$, $a_1 = -0.33$).

Очевидно, что языковые и текстовые законы, к которым стремился молодой Лопатто 100 лет тому назад, существуют. Понимая эти законы как стохастические, а не детерминистические, мы сегодня медленно приближаемся к решению проблем, поднятых Лопатто почти 100 лет тому назад. Ценность и актуальность его работы надо видеть не столько в полученных им результатах, сколько в формулировке проблемы. Лопатто полностью сознавал ограниченность своего подхода: «Выводы теории прозы принадлежат будущему, когда методы будут достаточно разработаны и появятся исследования отдельных областей художественной прозы» (Лопатто 1918: 50). Кажется, это будущее пришло.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В последующие годы появились некоторые противоречивые замечания о работе Лопатто. Так например, в 1925-ом году Томашевский представил краткий обзор современных исследований произведений Пушкина; в нем он назвал исследование Лопатто исключением из общего «зачаточного состояния» (цит. по: Гардзонио 2006б: 138; сн. 11). Томашевский ссылался на Лопатто и в своей статье 1929 г. о ритме прозы на примере Пушкинской «Пиковой дамы». В этой статье, особенно сосредоточившись на закономерности ритмических структур, Томашевский упомянул предложение Пешковского 1928 г. о расширенном структурном анализе абзацев; в том же контексте он назвал и работу Лопатто, жалея, что тот не связал свои выводы с вопросами ритма (Томашевский 1929: 301). Наряду с этими более или менее положительными оценками, явно отрицательная оценка Лопатто принадлежит Д. П. Якубовичу, который в 1936-ом г. в своем резюме исследований пушкинской прозы писал: «На широкие выводы претендовала работа М. О. Лопатто о повестях Пушкина. Преждевременность и субъективность обобщающих построений о стиле Пушкина видны хотя бы из одного того, что Лопатто делает свои претендующие на точность выводы на основании подсчета страниц, фраз, абзацев не по рукописям Пушкина, а по изданиям (между прочим, неизвестно, каким). В число анализируемых текстов, наряду с опубликованными Пушкиным, попадают и черновые, неоконченные. Во всех одинаково подсчитывается „число страниц диалога и описания“. Таким же методом проза Пушкина сравнивается и с прозой других писателей. Кроме разве отдельно брошенных умных замечаний <...> ничего из работы не вошло и не сможет войти в научный оборот» (Якубович 1936: 297–298). После этого работа Лопатто была забыта, и лишь В. В. Виноградов в 1975 г. в ретроспективном взгляде на поэтику 1920-х годов упомянул вклад Лопатто, назвав его предшественником Томашевского в его исследованиях ритма прозы. Только совсем недавно итальянский славист Стефано Гардзонио, хранитель архива Лопатто, обратил внимание на Лопатто в двух публикациях (Garzonio 2006a, b).

² Термин «фраза» мы сегодня (если не имеется в виду перевод английского *phrase*) скорее склонны понимать или в качестве законченного оборота речи в фонетическом аспекте предложения, или как единицу звукового членения речи, объединенной особой интонацией и фразовым ударением. Для Лопатто фраза — единица мысли, то есть мера сознания (Лопатто 1918: 18).

³ Непараметрический статистический тест по Kruskal-Wallis показывает незначительные различия между четырьмя текстами Пушкина ($\chi^2 = 0.66$, d.f. = 3; $p = 0.88$), подтверждая, таким образом, наблюдения Лопатто.

⁴ Как и в случае четырех текстов Пушкина (ср. примеч. 3), тест не достигает уровня статистической значимости ($\chi^2 = 6.79$, d.f. = 3; $p = 0.08$), если сравнить четырех названных авторов между собой.

⁵ По Лопатто, прямые фразы различаются от непрямых по составу фразы: прямые делятся на две части без остатка, а не прямые содержат более двух главных элементов, или второстепенных элементов (Лопатто 1918: 24 сл.).

⁶ Правда, этому различию не всегда и не везде (также и в России) уделяют должное внимание, будь то терминологически или концептуально; удачное определение см.: Köhler 2005.

- ⁷ Поскольку речь идет именно об иллюстрации, детали не приводятся (см. Grzybek 2011).
- ⁸ Первые шаги в этом направлении см.: Neumann (2009), где анализируются немецкие тексты разных жанров.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виноградов В. В.: 1975, Из истории изучения поэтики (20-е годы), *Известия АН СССР, сер. литературы и языка*, № 3, 259–272.
- Гардзонио С.: 2006а, Новое о Лопатто, *Статьи по русской поэзии и культуре XX века*, Под ред. С. Гардзонио, Москва: Vodolej Publishers, 122–135.
- Гардзонио С.: 2006б, Михаил Лопатто — прозаик и исследователь пушкинской прозы, *Статьи по русской поэзии и культуре XX века*, Под ред. С. Гардзонио, Москва: Vodolej Publishers; 136–147.
- Лопатто М. О.: 1918, Повести Пушкина: Опыт введения в теорию прозы, *Пушкинист*, Историко-литературный сборник, Под ред. С. А. Венгерова, Петроград, вып. III, 1–63.
- Лотман Ю. М.: 1964, *Лекции по структуральной поэтике*. Введение, теория стиха, Тарту.
- Пешковский А. М.: 1928, Ритмика «Стихотворений в прозе» Тургенева, *Русская речь*, Под ред. Л. В. Щербы, Ленинград: Academia, т. 2, 69–83.
- Томашевский Б. В.: 1925, *Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения*, Ленинград.
- Шкловский В. Б.: 1917, Искусство как прием, *Сборник по теории поэтического языка*, Петроград: Academia, вып. II, 3–14.
- Эджертон В.: 1990, Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос», *Пятые Тыняновские чтения*, Рига: Зинатне, 211–237.
- Якубович Д. П.: 1936, Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г., *Пушкин. Временник Пушкинской Комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 1, 295–318. [Online: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr12295-.htm>]
- Bunge M.: 1967, *Scientific Research*, New York: Springer, vol. I: *The Search for System*.
- Christian R.: 1992, Nicolas Bachtin and Mikhail Lopatto. Friendship Renewed, *The Wider Europe. Essays on Slavonic Languages and Cultures. In Honour of Professor Peter Henry on the Occasion of His Retirement*, Edited by J. Dunn, Nottingham: Astra, 1–14.
- Erlich V.: 1955, *Russian Formalism. History — Doctrine*, S'Gravenhage: Mouton.
- Grzybek P.: 2011, Der Satz und seine Beziehungen. I: Satzlänge und Wortlänge im Russischen (Am Beispiel von L. N. Tolstojs «Анна Каренина»), *Anzeiger für slawische Philologie*, XIX, 39–74.

- Grzybek P.: 2012a, Der Satz und seine Beziehungen. II: Kapitellänge und Satzlänge (Am Beispiel von L. N. Tolstojs «*Война и мир*»), *Anzeiger für slawische Philologie* [in Vorb.].
- Grzybek P.: 2012b, Close and Distant Relatives of the Sentence: some Results from Russian, *Methods and Applications of Quantitative Linguistics*, Eds. I. Obradović, E. Kelih, R. Köhler, Belgrade: Academic Mind, 44–58.
- Grzybek P., E. Kelih: 2005, Zur Vorgeschichte quantitativer Ansätze in der russischen Sprach- und Literaturwissenschaft, *Quantitative Linguistics. An International Handbook. Quantitative Linguistik. Ein internationales Handbuch*, Edited by R. Köhler, G. Altmann, R. Piotrowski, Berlin: Walter de Gruyter, 23–64 (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft; 27).
- Köhler R.: 2005, Gegenstand und Arbeitsweise der Quantitativen Linguistik, *Quantitative Linguistics. An International Handbook. Quantitative Linguistik. Ein internationales Handbuch*, Edited by R. Köhler, G. Altmann, R. Piotrowski, Berlin: Walter de Gruyter, 1–16 (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft; 27).
- Jakobson R. O: 1979, Новейшая русская поэзия, *Texte der russischen Formalisten*, Hrsg. by Wolf-Dieter Stempel, München: Fink, Bd. II: Texte zur Theorie des Verses und der poetischen Sprachen, 18–135.
- Neumann S.: 2009, *Das Menzerath-Altman-Gesetz als Textcharakteristik*, M.A. thesis, Trier University.
- Striedter J.: 1969, Zur formalistischen Theorie der Prosa und der literarischen Evolution, *Texte der russischen Formalisten*, Hrsg. von J. Striedter, München: Fink, Band I: Texte zur allgemeinen Literaturtheorie und zur Theorie der Prosa, IX–LXXIII.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Антропология культуры

В Ы П У С К

5

*К 85-летию
академика РАН
Вячеслава Всеволодовича Иванова*

МОСКВА 2015

УДК 930.85
ББК 71
А72

Печатается по постановлению Ученого совета
Института мировой культуры МГУ имени М. В. Ломоносова

Редакционная коллегия

Вяч. Вс. Иванов (главный редактор), М. В. Акимова,
Д. В. Вальков, Т. В. Цивьян

Рецензенты

С. И. Гиндин, Г. А. Левинтон

Антропология культуры. Вып. 5.

А72 М.: Институт мировой культуры МГУ, 2015 — 462 с. + 4 с. (вклейка)

Статьи, вошедшие в очередной выпуск серийного издания Института мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, посвящены исторической, искусствоведческой, культурологической, лингвистической проблематике. Первый раздел сборника включает статьи о фундаментальной триаде мировой культуры Архетип — Символ — Знак: о возможностях и путях ее теоретического осмысления, а также о реализации ее составляющих — от искусства первобытного до искусства современного, от визуального нарратива до традиционного цепного текста. Второй раздел сборника включает статьи о образе и образах в истории и культуре. Третий раздел посвящен наследию научного и литературного Авангарда. В разделе Диакритика представлены рецензии, заметки, а также обзоры основных научных мероприятий (летних школ, круглых столов, семинаров), организованных Институтом. Сборник завершается презентацией изданий Института.

УДК 930.85
ББК 71

© Авторы статей, 2015

© В. Н. Топоров, наследники, 2015

© Институт мировой культуры МГУ, 2015